

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>

UDC 81'42:34
LBC 81.055.51.3

Submitted: 25.07.2022
Accepted: 28.11.2022

DISCOMMUNICATION: INTERCULTURAL, DISCURSIVE AND LINGUOECOLOGICAL ASPECTS

Yana A. Volkova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Nadezhda N. Panchenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Natalya K. Prigarina

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article clarifies the concept of discommunication, defines its place among the related concepts of communicative failure and communicative conflict, and suggests ways of studying discommunication at the discourse level. A new interpretation of discommunication is proposed in the framework of the linguoecological approach to communication developed by V.I. Shakhovskiy. Discommunication is treated as an umbrella term that unites various manifestations of ineffective communication which can occur due to many reasons. At the intercultural and intracultural levels, discommunication can result from non-implementation or incomplete implementation of the communicative intention, failure to achieve the communicative goals, or their mismatch. The resulting ineffectiveness of communication and the ineffectiveness of the communicative interaction are due to a number of reasons, both linguistic and extralinguistic, among which are violation of ethical norms and ecology of communication; non-observance of the rules of argumentation; using manipulative strategies; unsuccessful verbalization of the intention by the addresser. The latter is exemplified in detail with the excerpts from the Russian-language courtroom discourse. It is represented through violations in goal-setting and errors in the formulation of the idea. Expanding the list of discourses for analyzing discommunication will allow identifying the specifics of its implementation in various speech genres and types of communication, and help determine its causes and outline ways to overcome it.

Key words: discommunication, communicative failure, courtroom discourse, goal setting, argumentation, manipulative strategy.

Citation. Volkova Ya.A., Panchenko N.N., Prigarina N.K. Discommunication: Intercultural, Discursive and Linguoecological Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 138-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>

УДК 81'42:34
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 25.07.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ДИСКОММУНИКАЦИЯ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ, ДИСКУРСИВНЫЙ И ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Яна Александровна Волкова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Надежда Николаевна Панченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Наталья Константиновна Пригарина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье уточняется понятие дискоммуникации, определяется его место в ряду смежных понятий: коммуникативной неудачи и коммуникативного конфликта, предлагаются пути исследования дискоммуникации на дискурсивном уровне. В рамках концепции эмотивной экологичности коммуникации, разработанной В.И. Шаховским, предложена новая трактовка дискоммуникации как зонтичного термина, объединяющего разнообразные варианты неэффективного общения в результате неосуществления или неполного осуществления коммуникативного намерения и недостижения поставленных целей или их рассогласования. В межкультурном и интракультурном общении итоговая неэффективность и нерезультативность взаимодействия коммуникантов обусловлена рядом причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера, среди которых нарушение этических норм и лингвоэкологичности общения; несоблюдение правил аргументации; применение манипулятивных стратегий и др. Неосуществление замысла адресанта иллюстрируется контекстами из русскоязычного судебного дискурса, демонстрирующими нарушения в целеполагании, несоблюдение правил аргументации (нарушение границ тезиса, обращение к некорректной аргументации и т. п.), неудачную вербализацию замысла. Расширение списка дискурсов для анализа дискоммуникации позволит в будущем выявить специфику ее реализации в различных речевых жанрах и типах общения, установить причины ее возникновения и создать рекомендации по ее преодолению. Я.А. Волковой и Н.Н. Панченко проанализированы существующие в научных парадигмах подходы к определению понятия дискоммуникации, дано рабочее определение, предлагаемое к использованию на дискурсивном уровне. Обоснован выбор судебного дискурса в качестве материала исследования институциональной специфики дискоммуникации. Н.К. Пригариной выделены основные причины возникновения дискоммуникации в судебном дискурсе, проведен анализ примеров дискоммуникации в судебном дискурсе.

Ключевые слова: дискоммуникация, коммуникативная неудача, судебный дискурс, целеполагание, аргументация, манипулятивная стратегия.

Цитирование. Волкова Я. А., Панченко Н. Н., Пригарина Н. К. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>

Во все времена и во всех видах человеческого общения остро стоит проблема совместимости смысловых пазлов для адекватного взаимопонимания...

В.И. Шаховский

Введение

В настоящее время по-прежнему востребованными и теоретически значимыми остаются исследования дискурса, при этом особую ценность приобретают изыскания, посвященные выявлению источников возникновения конфликтных ситуаций, обсуждению причин и последствий дискоммуникации. Обусловлено это прежде всего тем, что достижение успешности, результативности и эффективности коммуникации – одна из ключевых задач современного коммуникативного взаимодействия.

Термин «дискоммуникация» нельзя назвать общепринятым. В тех редких научных произведениях последних лет, в которых можно обнаружить его упоминание, он в большей степени соотносится с иноязычной коммуникацией, с конкретными ситуациями межкультурного взаимодействия. Однако

эффективность коммуникативного взаимодействия и преодоление коммуникативной неконгруэнтности в равной степени важны как для кросскультурного, так и для интракультурного общения.

Цель настоящей статьи – уточнение понятия дискоммуникации и установление направлений и принципов ее изучения на дискурсивном уровне. Реализация данной цели обуславливает теоретическую значимость и научную новизну исследования, поскольку позволяет сформулировать определение дискоммуникации, выявить ее причины, формы, коммуникативные последствия и наметить пути их преодоления в институциональном дискурсе разных типов.

Материал и методы

Для определения места дискоммуникации в ряду смежных понятий дискоммуникации, коммуникативной неудачи, коммуникативного конфликта использовался дефиниционный и семантический анализ. Дискурсивные проявления дискоммуникации рассматриваются с помощью метода контекстологического анализа, основанного на допущении, что любое

высказывание является функцией контекста и его значение выводится из конкретной ситуации общения. За основу берется широкое понимание контекста, охватывающее как непосредственное окружение слова, так и общий контекст ситуации, который, в свою очередь, включает прагматические, психолингвистические, социолингвистические и другие экстралингвистические факторы. Эффективное использование данного метода предполагает рассмотрение ситуации общения с учетом возможных последствий и определенную «чувствительность к контексту» в процессе анализа [Щербакова, 2006, с. 72].

Материалом исследования послужили тексты судебных речей русскоязычных адвокатов XIX–XXI вв., опубликованные в открытых источниках. Анализу подверглись 20 судебных речей.

Результаты и обсуждение

Для нашего исследования важны работы В.И. Шаховского, посвященные экологичному / неэкологичному общению [Шаховский, 1997; 2009; 2016; 2020; и др.]. Изучая экологичность / неэкологичность коммуникации и анализируя роль эмоций в формировании экологичного / неэкологичного общения, В.И. Шаховский ввел понятие модуса экологичности общения, который определил как компонент коммуникативной компетенции языковой личности любого социума [Шаховский, 2016, с. 398–399]. В.И. Шаховский считал, что именно по причине несформированности экологичной коммуникативной компетенции со всеми ее конституентами «большинство коммуникантов спотыкается о дорожные камни коммуникативных помех и провалов и даже совершает ненамеренно коммуникативные преступления (конфликты, оскорбления, убийства)» [Шаховский, 2016, с. 400].

Любая коммуникация – это всегда сложное сложный процесс, в котором участники интеракции ориентированы на достижение определенных целей и в идеале – на гармоничное и эффективное общение. Эмпирически очевидно, что эффективность общения достигается далеко не всегда, поскольку даже при нацеленности на успешное взаимодействие говорящие неизбежно испытывают коммуникативные риски.

Коммуникативный риск О.А. Страхова трактует: 1) как возможность получения незапланированного результата коммуникации, отличного от ожидаемого; 2) как рисковое действие, приводящее к коммуникативной неудаче или провоцирующее конфликт [Страхова, 2017]. Уточняя предложенную трактовку, считаем, что под коммуникативным риском следует понимать такое вступление в коммуникацию, которое потенциально может спровоцировать коммуникативную неудачу, способную, в свою очередь, стимулировать коммуникативный конфликт.

В данной части исследования обобщим существующие подходы к пониманию дискommunikации в корреляции со смежными понятиями [Городецкий и др., 1985; Жукова и др., 2015; Полякова, 2009; Серебрякова, 2015; Формановская, 2002], что позволит выделить параметры, которые релевантны для последующего конструирования определения дискommunikации.

Дискommunikация в настоящее время осмысливается в рамках межкультурного взаимодействия как следствие некой некомпетентности и нарушения взаимоотношений коммуникантов в поликультурном пространстве [Горохова, Кулаковская, 2019; Гусева, 2018; и др.].

Необходимо отметить, что в зарубежных исследованиях используется термин «мискommunikация» (miscommunication), которым чаще всего обозначается недопонимание между партнерами по общению вследствие, как правило, межкультурных различий [Russel et al., 2007; Wierzbicka, 2010]. В задачи теории мискommunikации входит объяснение таких коммуникативных явлений, как обман, образность, ироничность, патологическая коммуникация, например, в случае шизофрении [Mortensen, 1997; Say Not to Say..., 2002, p. 5–6], а также все то, что называют «лабиринтом сообщений» [The Dark Side..., 1994]. Изначально считалось, что дискommunikация (или мискommunikация) представляет собой некое отклонение или нарушение общепринятой коммуникативной схемы на любом из этапов ее реализации: в модели Шэннона и Уивера подобные нарушения вызывает шум или коммуникативные помехи, в теории Грайса – отказ следовать максимам общения и пр. [Say Not to Say..., 2002, p. 5–6]. Однако впоследствии подход к дискommunikации был суще-

ственно изменен и расширен: мис-/дискоммуникация стала определяться как непрямой способ общения, в задачи которого входит оптимизация когнитивных и эмоциональных ресурсов собеседников [Say Not to Say..., 2002, p. 37–38]. Данный подход позволил рассматривать коммуникацию и дискоммуникацию не как противопоставленные друг другу отдельные категории, а как цельный конструкт, внутри которого сосуществуют различные ипостаси одного и того же явления – собственно коммуникации [Say Not to Say..., 2002, p. 3–42; Ilter, 2017].

Дискоммуникацию можно характеризовать с разных точек зрения: как правило, ученые дифференцируют два основных аспекта ее изучения – лингвострановедческий и межкультурный. В первом она представляет собой результат «интерферирующего влияния филологических и страноведческих знаний родного языка собеседников на язык общения» [Кириллова, Гаврилина, 2017, с. 26]. В межкультурном аспекте дискоммуникация – результат актуализации стереотипов, «стимулируемой» эгоцентризмом и социоцентризмом коммуникантов. В основу дифференциации, как видим, кладется параметр «причинно-следственные отношения».

Исследователи, обращаясь к понятию дискоммуникации, сосредоточивают свое внимание и на лингводидактических задачах, которые стоят перед преподавателями иностранных языков при формировании соответствующих профессиональных (социо- и межкультурных) коммуникативных компетенций: «преподаватель должен в процессе обучения иностранному языку разъяснять глобальный контекст социальных и межличностных взаимоотношений между носителями языка» [Кириллова, Гаврилина, 2017, с. 27].

Неслучайно термин «дискоммуникация» используется в формулировках компетенций, формируемых при обучении иностранным языкам в основных образовательных программах бакалавриата и магистратуры. Абсолютно закономерно, что преподаватели-методисты употребляют его, характеризуя умения и навыки студентов взаимодействовать на иностранном языке. В практике преподавания иностранных языков обращается внимание на три уровня общения, потенциально приводящих к дискоммуникации в межкультурной интерак-

ции: лингвострановедческом, социокультурном и психосоциальном. Ожидаемо, что причины сбоев на лингвострановедческом уровне связаны, как уже упоминалось, с переносом экстралингвистических явлений из родного языка в иностранный. Это, по мнению Н.Л. Баграмянц, «выражается в неправильном употреблении лексики и ситуативных клише из-за недостаточного объема усвоенной безэквивалентной лексики и отсутствия знаний о типичных особенностях речевого поведения в ином социуме» [Баграмянц, 2014, с. 219]. В качестве причин социокультурной дискоммуникации называют опору «студентов при изучении иностранного языка на свою социальную действительность и автоматический перенос коллективной культурной идентичности из родной культуры в культуру страны изучаемого языка» [Баграмянц, 2014, с. 219]. Небезынтересной представляется выделяемое автором проявление психосоциальной дискоммуникации, причины которой он усматривает в неадекватности восприятия культуры чужой страны: «К этой культуре относятся либо как к лишенной всякой специфичности и одинаковой для всех зарубежных стран, либо инокультурные явления вызывают у обучаемых чувства превосходства или преклонения» [Баграмянц, 2014, с. 219].

В.И. Шаховский отмечал, что «незнание культурных референций приводит к нарушению адекватности в прагматике межкультурного общения, а значит, и к коммуникативным неудачам и провалам в толерантности общения. <...> Без знания культурных референций говорящий на чужом языке никогда не почувствует себя хозяином этого языка, причастным к нему, и будет постоянно попадать в его культурные ловушки – причину войны языков» [Шаховский, 2009, с. 69].

Необходимо особо подчеркнуть, что лингводидактические исследования дискоммуникации направлены не столько на ее определение и установление причин ее появления в межкультурном взаимодействии, сколько на поиск путей ее преодоления, формулирование практических рекомендаций и выработку способов языковой подготовки студентов, как правило, с использованием ситуативно-обусловленного обучения и знакомства с лингвокультурным кодом иноязычной общности.

Таким образом, можно констатировать, что проблемы исследования дискommункации в настоящее время концентрируются на межкультурном (поликультурном) взаимодействии, при этом внимание уделяется таким понятиям, как «коммуникативная неудача», «коммуникативный провал», «срыв», «коммуникативный конфликт», «коммуникативный сбой», «коммуникативная ошибка» и т. п. Вместе с тем ряд исследователей полагает, что дискommункацию нельзя приравнивать к коммуникативной неудаче, поскольку последняя предполагает некий разрыв коммуникативной цепочки [Say Not to Say..., 2002, p. 5]. Ср.: коммуникативная неудача – это «полное или частичное непонимание или неприятие высказывания партнером по коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, несоответствие реакции слушающего коммуникативным ожиданиям говорящего» [Кузнецова, 2012, с. 221]. Близкое определение дается С.Е. Бугровой: коммуникативная неудача – это «полное неосуществление коммуникативных намерений партнеров по общению (полное непонимание), манифестируемое отсутствием ожидаемого перлокутивного эффекта и зачастую сопровождаемое отличной от прогнозируемой эмоциональной реакцией, препятствующей дальнейшему развертыванию коммуникативной интеракции» [Бугрова, 2012, с. 23]. Е.С. Кара-Мурза рассматривает коммуникативные неудачи как вариант деструктивного общения, при котором коммуниканты не добиваются взаимовыгодных результатов, ухудшают или разрывают отношения [Кара-Мурза, 2012, с. 194].

Большинство исследователей считают, что «основная часть коммуникативных неудач порождена сдвигом в сторону “ухудшения” понимания коммуникативных намерений говорящего» [Ермакова, Земская, 1993, с. 62].

Лингвистами предлагаются классификации коммуникативных неудач по разным основаниям. Традиционно выделяют такие виды, как коммуникативный дискомфорт, коммуникативная неудача, коммуникативный конфликт [Мартынова, 2000, с. 229].

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что установлены и подробно описаны экстралингвистические и лингвистические причины

возникновения коммуникативных неудач в межличностном и межкультурном общении. К экстралингвистическим причинам относят различия в картинах мира, в национальных и культурных установках участников коммуникации; нарушение или неверный выбор поведенческих стереотипов; эмоциональная несдержанность говорящего. В.И. Шаховский среди причин коммуникативных неудач называет «эмотивные лакуны, игнорирование которых в научающей коммуникации приводит к коммуникативному сбою или неудаче в реальном общении» [Шаховский, 1997, с. 138–152].

Собственно лингвистическими факторами коммуникативных неудач чаще всего называют неверное или неточное словоупотребление (неточности и недосказанности при выражении мыслей); избыточную метафоричность; неустраненную многозначность или омонимию языковых единиц (двусмысленность высказывания); использование непонятных иноязычных слов и терминов; неверный порядок слов; использование очевидных манипулятивных речевых приемов; неразличение паронимов; употребление неуместных окказионализмов; неоправданное многословие; ошибки в интонировании (постановке логического ударения, расстановке внутрифразовых и фразовых пауз); неправильное произношение; использование инвектив; неправильный выбор речевого жанра и стиля общения; невладение речевым этикетом и др. [Кузнецова, 2014, с. 221].

Коммуникативная неудача, следовательно, является результатом ненамеренного коммуникативного сбоя и коммуникативных помех, связанных с неверным представлением коммуникантов о наличии у них одинаковых presupпозиций, несовпадением референциальных рамок, недостаточными знаниями денотаций и коннотаций некоторых слов и т. д.

Именно неосознанностью и намеренностью она отличается от коммуникативного конфликта, который определяется как «тип общения, в основе которого лежат реальные или иллюзорные, объективные или субъективные и в различной степени осознаваемые противоречия в целях личностей при общении при попытках их разрешения на фоне острых эмоциональных состояний» [Романова, 2011, с. 282]. Автором выделены и причины, порождающие коммуникативный конфликт и соот-

носимые с «комплексом внешних (социальных) и внутренних (психологических) факторов». К внешним, регулирующим речевое поведение, относятся традиции и нормы, сложившиеся в данной этнокультурной общности, в профессиональной группе, к которой принадлежат говорящие; схемы речевого поведения, ставшие социально значимыми и усвоенные личностью; а также выполнение коммуникантами социальных ролей, продиктованных социальным статусом, профессией, национальной принадлежностью, образованием, возрастом и др. К внутренним факторам, определяющим поведение участников конфликта, могут быть отнесены такие, которые обусловлены качествами самих субъектов: типом личности (психологическим и коммуникативным), интересами, мотивами, интенциями, установками и взглядами участников конфликта и др. [Романова, 2011, с. 282].

Однако как бы ни определялся коммуникативный конфликт (противонаправленное взаимодействие или коммуникативная стратегия), очевидно, что речевые действия адресант производит в ущерб адресату сознательно и целенаправленно. Это позволяет квалифицировать данное общение как деструктивное.

В настоящем исследовании считаем важным подчеркнуть, что и коммуникативная неудача, и коммуникативный конфликт, на наш взгляд, являются частными случаями дискоммуникации. При этом нельзя не отметить, что в лингвистике активно изучаются и достаточно полно описаны именно частные случаи дискоммуникации, все определения случаев дискоммуникации, предлагаемые учеными, находят, как правило, в поле межкультурного и межличностного общения.

Одна из первоочередных задач, которые предстоит решить, – разграничение случаев дискоммуникации в межличностном и межкультурном общении и проявление дискоммуникации на дискурсивном уровне, введя расширенное толкование термина «дискоммуникация».

В качестве рабочего определения предлагаем следующее: дискоммуникация на дискурсивном уровне – это неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения адресанта, неоднозначное толкование смысла дискурса адресатом, недостижение коммуникантами поставленных целей, ком-

муникативное рассогласование, приводящие в итоге к нерезультативности, неэффективности воздействия адресанта на адресата.

Сообщение, передаваемое от адресанта адресату, может быть истолковано неоднозначно, искажено, принято не полностью или не принято совсем. Как известно, такие ситуации возможны во всех типах институционального дискурса, особенно в политическом, рекламном, юридическом, медийном, то есть тех, которые в последние годы рассматриваются многими учеными как разновидности риторического метадискурса¹. В каждом из перечисленных дискурсов дискоммуникация может иметь множество специфических вариантов реализации.

Поскольку дискоммуникация на дискурсивном уровне еще не подвергалась научному анализу, наметим возможные параметры ее анализа на примере судебного дискурса. Выбор обусловлен тем, что он характеризуется, с одной стороны, жесткой регламентацией, а с другой – относительно свободным выбором его участниками стратегий и тактик речевого поведения, что делает возникновение дискоммуникации возможным и прогнозируемым.

Судебный дискурс, важнейшими характеристиками которого являются объективность, формализованность, текстоцентричность, внимание к фактической стороне дела, стремление к установлению истины по делу, относится к сфере конфликтной коммуникации, представляя собой одну из разновидностей современного риторического метадискурса.

Судебный дискурс реализуется как совокупность устных и письменных текстов диалогического и монологического характера, в числе которых особого внимания заслуживают судебные речи – «монологические высказывания в зале суда» [Дубровская, 2010, с. 4].

Адресант судебной речи – судебный оратор (прокурор или адвокат). Адресатов принято выделять четыре: состав суда, процессуальный оппонент, обвиняемый, слушатели в зале [Носова, 2009, с. 272].

Главная цель адресанта, к достижению которой он должен стремиться, апеллируя ко всем четырем адресатам, – защита (для адвоката) или обвинение (для прокурора). Достижение этой цели может сопровождаться ре-

шением дополнительных задач по отношению к обвиняемому (исправление и перевоспитание) и присутствующим в зале гражданам (предупреждение правонарушений).

Полное или частичное неосуществление замысла адресанта проявляется в различных случаях ненормативности, к которым мы относим: 1) нарушения в целеполагании; 2) несоблюдение правил аргументации (нарушение границ тезиса, использование некорректной аргументации и т. п.); 3) неудачную вербализацию замысла со стороны адресанта.

1. Примером некорректного **целеполагания** может служить фрагмент выступления современного адвоката С.В. Грицко по уголовному делу о незаконном обороте наркотических средств. Целью С.В. Грицко была защита подсудимого, облегчение его наказания, но ему не удалось сформулировать ее четко, определенно и однозначно:

Уважаемый суд, я не прошу смягчить Иванову наказание, а прошу прекратить в отношении него уголовное преследование на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, по указанным выше основаниям.

Но, уважаемый суд, если Вы сочтете мои доводы неубедительными, то **при назначении наказания просил бы учесть положительные характеристики Иванова, наличие у него на иждивении малолетнего ребенка, что является смягчающим наказанием обстоятельством, его полное признание своей вины** (Праворуб).

Такая концовка речи свидетельствует о том, что адвокат не решил окончательно, чего он просит от суда: прекращения дела в отношении своего подзащитного (оправдания) или минимального срока лишения свободы. Это весьма снизило эффективность его речи.

Представляется интересным сравнить этот фрагмент выступления адвоката С.В. Грицко с финалом одного из выступлений известного адвоката Ф.Н. Плевако, в котором тоже высказаны сомнения и обнаруживается некоторая неопределенность, что, однако не приводит к дискоммуникации:

Я не говорю о вине или невиновности; я говорю о неизвестности ответа на роковой вопрос

* Данная некоммерческая организация в 2014 г. признана иноагентом; ликвидирована Постановлением Мосгорсуда от 29.12.2021.

дела. Не наша и не обвинителя это вина. Не все доступно человеческим усилиям. Но если нет средств успокоиться на каком-либо ответе, успокоиться так, чтобы никогда серьезное и основательное сомнение не тревожило вашей судебной совести, то и по началам закона, и по требованию высшей справедливости вы не должны осуждать привлеченную или обоих, если сказанное равно относится и к нему. **Когда надо выбирать между жизнью и смертью, то все сомнения должны решаться в пользу жизни. Таково веление закона и такова моя просьба!** (Плевако).

Ф.Н. Плевако тоже обращается к суду с просьбой, но при этом уверен в своей правоте, в справедливости суда и торжестве закона.

2. Несоблюдение правил **аргументации** выражается в судебных речах в нарушении границ тезиса, использовании некорректной аргументации и т. п.

Судебные ораторы, выступая с судебной речью и стремясь к максимальной убедительности, иногда расширяют границы тезиса, используют прием, названный А.Н. Барановым «навязывание пресуппозиции» [Баранов, 2007, с. 191]. Общая модальность такого выступления сводится к тезису: «N – преступник», а не «N является преступником, потому что...», границы которого, безусловно, расширяются.

Например, при рассмотрении громкого уголовного дела по обвинению руководителя Правозащитного центра «Мемориал»* Олега Орлова в клевете в адрес главы Чечни Р. Кадырова прокурор счел возможным, доказывая вину подсудимого, опираться на его оценочные суждения. Из слов О. Орлова об ответственности Р. Кадырова как руководителя за все происходящее в республике обвинитель сделал вывод, что Орлов считает Кадырова организатором убийства Натальи Эстемировой, а значит – клеветает на него, так как Кадыров убийства не организовывал, то есть: «Орлов – клеветник», но не «Орлов является клеветником, потому что...».

Суд не поддержал обвинение О. Орлова в клевете, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Решающее значение для суда имела речь известного адвоката Генри Резника, который доказал, что Орлов писал о социально-политической ответственности Кадырова как главы Чеченской Республики, а не о том, что Р. Кадыров был организатором или исполнителем убийства (ВККА).

Результативность судебной речи определяется и правильным выбором аргументов, стратегий и тактик их предъявления.

В уже упоминавшейся речи адвоката С.В. Грицко есть нарушения в предъявлении аргументов – недостаточно акцентированы смягчающие для обвиняемого обстоятельства: болезнь ребенка, тяжелая жизненная ситуация, полное раскаяние. Кроме того, в выступлении защитника только указаны, перечислены, но не рассмотрены подробно недопустимые доказательства, приведенные в речи процессуального оппонента (прокурора):

В судебном заседании достоверно установлено, а также следует из показаний Иванова и самого Самоенко: Иванов приобретал наркотическое средство по просьбе и за деньги Самоенко, и в дальнейшем ему же его передавал. Данный факт стороной государственного обвинения не опровергнуто, какие-либо доказательства, опровергающие это, не представлены. Данный вывод касается всех трех эпизодов совершения преступлений... (Праворуб).

Нарушением правил предъявления аргументации является и использование судебными ораторами вышеупомянутого манипулятивного приема навязывания пресуппозиции, которое «...заключается в том, чтобы ввести в сознание человека, в его представления о действительности некоторую информацию, которая не подвергается критическому анализу, не осознается им как нечто требующее обсуждения» [Баранов, 2007, с. 191].

Например, адвокат в своей речи указывает причину проведения повторного оперативно-розыскного мероприятия, никак не доказав ее истинности:

Проведение повторного оперативно-розыскного мероприятия – очередной проверочной закупки у одного и того же лица – должно быть обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями. Однако каких-либо оснований и целей для проведения повторного ОРМ не было вовсе. **Все это было сделано лишь для повы-**

шения надутых показателей работы оперативных служб.

Ни один из свидетелей из числа оперативных работников не смог назвать, какие же были основания или цели для нового ОРМ, все ссылались на Головку, как на самого главного. Однако сам же Головку в ходе судебного заседания данные моменты пояснить тоже не смог (Праворуб).

3. Приводит к дискоммуникации и неудачная вербализация замысла со стороны адресанта: неправильное ударение, слово- и формообразование, использование сниженной лексики и фразеологии и другие речевые ошибки. Такие случаи отмечены в речах адвоката О.В. Назарова:

Не исключено стремление защитника при опоре на показания свидетеля Стрелкова **перевести стрелки** с Губки на другое, якобы причастное к смерти Зотова лицо, которое к уголовной ответственности не привлечено. Однако при этом просил бы обратить внимание на то, что показания Стрелкова не опровергают утверждение Иваненко о причинении смерти именно действиями Губки. Кроме того, они предположительны. А предположения, как известно, в основу приговора положены быть не могут (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ) (Праворуб).

Или:

В частности, жалоба последует, если Губка не будет осужден за вмененное умышленное убийство к максимальному основному и дополнительному наказанию. А там неизвестно, чем все для Губки закончится.

Может быть, апелляционная инстанция отменит приговор и возвратит дело прокурору для применения квалификации о более тяжком преступлении, подсудном областному суду... Тогда только 15 годами Губке можно и не обойтись... Словом, при занятой подсудимым позиции **ему можно себе такую медвежью услугу оказать, что мало не покажется...** (Праворуб).

Случаи дискоммуникации в судебных речах подтверждаются действующими адвокатами. Например, С.И. Володина, директор Института адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, приводит данные анонимного анкетирования судей, из которых следует, что судьи критически оценивают речи обвинения и защиты, считают их бездоказательными, шаб-

лонными, излишне эмоциональными, что свидетельствует об их нерезультативности [Володина, 2009, с. 17].

Результаты анализа отдельных случаев дискommunikации в судебном дискурсе позволяют говорить о перспективности дальнейшего исследования дискommunikации как феномена современного институционального дискурса.

Заключение

В статье обосновывается дискурсивный подход к пониманию термина «дискommunikация». Рассматривая дискommunikацию в традициях школы эмотивной лингвоэкологии В.И. Шаховского, мы полагаем, что данное явление присуще не только межкультурному, но и *интра*культурному общению: дискommunikация трактуется как зонтичный термин, объединяющий разнообразные варианты неэффективного общения в результате неосуществления или неполного осуществления коммуникативного намерения и недостижения поставленных целей или их рассогласования. Итоговая неэффективность общения и нерезультативность взаимодействия коммуникантов присутствует как на межкультурном, так и на интракультурном уровне, и обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами. Полное или частичное неосуществление замысла адресанта проявляется в различных случаях ненормативности, к которым мы относим: 1) нарушения в целеполагании; 2) несоблюдение правил аргументации (нарушение границ тезиса, использование некорректной аргументации и т. п.); 3) неудачную вербализацию замысла со стороны адресанта.

Расширение списка дискурсов для анализа дискommunikации позволит в будущем выявить специфику ее реализации в различных речевых жанрах и типах общения, определить причины ее возникновения и наметить пути ее преодоления.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Понятие риторического метадискурса введено А.В. Голодновым. «Риторический метадискурс является особым типом дискурса, интегриру-

ющим тексты различных типов, которые относятся к различным коммуникативным сферам, но объединяются общей персуазивной целеустановкой адресанта на побуждение реципиента к совершению выгодного адресанту коммуникативного действия в ситуации свободного выбора» [Голоднов, 2009, с. 85]. В риторический метадискурс автор включает тексты политического, рекламного, судебного и других дискурсов [Голоднов, 2009, с. 85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баграмянц Н. Л., 2014. Ситуативно-обусловленное обучение как средство знакомства с лингвокультурным кодом иноязычного социума // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Т. 5, № 1 (19). С. 217–222.
- Баранов А. Н., 2007. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта : Наука. 592 с.
- Бугрова С. Е., 2012. Основные подходы к изучению и типологизации коммуникативных неудач // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 20. С. 22–30.
- Володина С. И., 2009. Речь адвоката – глазами судей // Адвокатская практика. № 2. С. 16–18.
- Голоднов А. В., 2009. Риторический метадискурс как интегративный тип дискурса // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. № 104. С. 77–87.
- Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г., 1985. К типологии коммуникативных неудач // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск : АН СССР. С. 64–78.
- Горохова Н. А., Кулаковская М. В., 2019. Применение лингвострановедческого комментария в обучении иноязычному чтению студентов неязыкового вуза // Воспитание и обучение: теория, методика и практика : сб. материалов XIX Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс». С. 9–13.
- Гусева А. В., 2018. Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения студентов-нефилологов письменному реферированию естественнонаучной литературы на иностранном языке // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». С. 59–61.
- Дубровская Т.В., 2010. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов. 41 с.

- Жукова И. Н., Лебедев М. Г., Прошина З. Г., Юзифович Н. Г., 2015. Словарь терминов межкультурной коммуникации. Изд. 2-е, стер. М. : Флинта : Наука. 640 с.
- Ермакова О. П., Земская Е. А., 1993 К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука. С. 30–64.
- Кара-Мурза Е. С., 2012. Конфликтные модусы общения: коммуникативная неудача, конфликт, речевое преступление // Шмелевские чтения – X. Речевое общение. М. : Флинта. С. 193–202.
- Кириллова Т. С., Гаврилина И. С., 2017. Коммуникативные компетенции в поликультурном пространстве // Альманах мировой науки. № 1-2 (16). С. 25–27.
- Кузнецова А. А., 2014. Коммуникативная неудача // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): слов.-справ. / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та. С. 221.
- Мартьянова Е. М., 2000. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога : дис. ... канд. филол. наук. Орел. 229 с.
- Носова Т. В., 2009. Логика и риторика в судебной речи: когнитивные аспекты // РАЦИО.ru. № 2. С. 272–282.
- Полякова С. Е., 2009. Прагматически обусловленные коммуникативные неудачи в политическом дискурсе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 12 (89). С. 244–247.
- Романова В. М., 2011. Коммуникативный конфликт как социально-лингвистический феномен // Социально-экономические явления и процессы. № 10. С. 281–286.
- Серебрякова А. Ю., 2015. Экстралингвистические причины коммуникативных неудач // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Т. 12, № 4. С. 34–37.
- Страхова О. А., 2017. К вопросу об определении понятий «коммуникативный риск» и «зона коммуникативного риска» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (2). С. 150–153.
- Формановская Н. И., 2002. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Рус. яз. 216 с.
- Шаховский В. И., 1997. О переводимости эмотивных смыслов художественных текстов // Перевод и коммуникация / отв. ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, А. П. Василевич. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 138–152.
- Шаховский В. И., 2009. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии : учеб. пособие. Волгоград : Перемена. 170 с.
- Шаховский В. И., 2016. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград : ИП Поликарпов И.Л. 504 с.
- Шаховский В. И., 2020. Совпадение смысловых пазлов как условие эффективности современной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 3. С. 34–52.
- Щербак О. И., 2006. Контексты в конфликтологии. М. : МГГУ им. М.А. Шолохова. 80 с.
- Ïlter T., 2017. Miscommunication: The Other of Communication or the Otherness of Communication? // International Journal of Communication. Vol. 11. P. 259–277.
- Mortensen C. D., 1997. Miscommunication. Thousand Oaks : SAGE Publications. 280 p.
- Russell C. K., Gregory D. M., Care W. D., Hultin D., 2007. Recognizing and Avoiding Intercultural Miscommunication in Distance Education: A Study of the Experiences of Canadian Faculty and Aboriginal Nursing Students // Journal of Professional Nursing. Vol. 23, № 6. P. 351–361.
- Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication, 2002 / ed. by L. Anolli, R. Ciceri, G. Riva. Amsterdam : IOS Press. 288 p.
- The Dark Side of Interpersonal Communication, 1994 / ed. by W. R. Cupach, B. H. Spitzberg. S. I. : Lawrence Erlbaum Associates. 337 p.
- Wierzbicka A., 2010. Cross-Cultural Communication and Miscommunication: The Role of Cultural Keywords // Intercultural Pragmatics. Vol. 7, № 1. P. 1–23.

ИСТОЧНИКИ

- ВККА – Неофициальный сайт Высшей квалификационной комиссии адвокатуры при Кабинете Министров Украины. URL: <http://vkka.net/?p=4198>
- Плевако – Судебные речи Ф. Плевако. URL: <https://www.livelib.ru/book/32421/read-sudebnyerechi-fedor-plevako/~8>
- Праворуб – Праворуб. URL: <https://hohol28071980.pavorub.ru/personal/40924.html>

REFERENCES

- Bagramyants N.L., 2014. Situativno-obuslovlennoe obuchenie kak sredstvo znakomstva s lingvokulturnym kodom inoyazychnogo sotsiuma [Situationally-Conditioned Learning as a Means

- for Exploring of Linguistic Cultural-Code of Foreign Language Society]. *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI*, vol. 5, no. 1 (19), pp. 217-222.
- Baranov A.N., 2007. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 592 p.
- Bugrova S.E., 2012. Osnovnye podkhody k izucheniyu i tipologizatsii kommunikativnykh neudach [Basic Approaches to the Study and Typologization of Communicative Failures]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], iss. 20, pp. 22-30.
- Volodina S.I., 2009. Rech advokata – glazami sudey [Lawyer's Speech – Through the Eyes of Judges]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], no. 2, pp. 16-18.
- Golodnov A.V., 2009. Ritoricheskiy metadiskurs kak integrativnyy tip diskursa [Rhetorical Meta-Discourse as an Integrative Discourse Type]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], no. 104, pp. 77-87.
- Gorodetskiy B.Yu., Kobozeva I.M., Saburova I.G., 1985. K tipologii kommunikativnykh neudach [Towards a Typology of Communication Failures]. *Dialogicheskoe vzaimodeystvie i predstavlenie znaniy* [Dialogue Interaction and Knowledge Presentation]. Novosibirsk, AN SSSR, pp. 64-78.
- Gorokhova N.A., Kulakovskaya M.V., 2019. Primenenie lingvostranovedcheskogo kommentariya v obuchenii inoyazychnomu chteniyu studentov neyazykovogo vuza [Application of Linguistic and Cultural Commentary in Teaching Foreign Language Reading to Students of a Non-Linguistic University]. *Vospitanie i obuchenie: teoriya, metodika i praktika: sb. materialov XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Education and Training: Theory, Methodology and Practice. Collection of Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, CNS «Interaktiv plus», pp. 9-13.
- Guseva A.V., 2018. Formirovanie sotsiokulturnoy kompetentsii v protsesse obucheniya studentov-nefilologov pismennomu referirovaniyu estestvennonauchnoy literatury na inostrannom yazyke [Formation of Socio-Cultural Competence in the Process of Teaching Non-Philology Students to Write Abstracting of Natural Science Literature in a Foreign Language]. *Sovremennoe obrazovanie: aktualnye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sb. st. XX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Education: Topical Issues, Achievements and Innovations. Collection of Articles of the 20th International Scientific and Practical Conference]. Penza, MTsNS «Nauka i Prosveshcheniye», pp. 59-61.
- Dubrovskaya T.V., 2010. *Sudebnyy diskurs: rechevoye povedenie sudyi : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Courtroom Discourse: Speech Behavior of a Judge. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Saratov. 41 p.
- Zhukova I.N., Lebedko M.G., Proshina Z.G., Yuzefovich N.G., 2015. *Slovar terminov mezhkulturnoy kommunikatsii* [Terminological Dictionary of Intercultural Communication]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 640 p.
- Ermakova O.P., Zemskaya E.A., 1993. K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [Towards the Construction of a Typology of Communicative Failures (Based on the Material of Natural Russian Dialogue)]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovaniy. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian Language in Its Functioning. Communicative-Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., pp. 30-64.
- Kara-Murza E.S., 2012. Konfliktnye modusy obshcheniya: kommunikativnaya neudacha, konflikt, rechevoye prestuplenie [Conflict Modes of Communication: Communication Failure, Conflict, Speech Crime]. *Shmelevskie chteniya – X. Rechevoye obshhenie* [Shmelev's Readings – 10. Speech Communication]. Moscow, Flinta Publ., pp. 193-202.
- Kirillova T.S., Gavrilina I.S., 2017. Kommunikativnye kompetentsii v polikulturnom prostranstve [Communicative Competences in a Multicultural Space]. *Almanakh mirovoy nauki*, no. 1-2 (16), pp. 25-27.
- Kuznetsova A.A., 2014. Kommunikativnaya neudacha [Communication Failure]. Skovorodnikov A.P., ed. *Effektivnoe rechevoye obshchenie (bazovye kompetentsii) : slov.-sprav.* [Effective Verbal Communication (Basic Competencies). Dictionary-Reference Book]. Krasnoyarsk, Izd-vo Sibir. feder. un-ta, p. 221.
- Martynova E.M., 2000. *Tipologiya yavleniy kommunikativnogo diskomforta v situatsiyakh dialoga: dis. ... kand. filol. nauk* [Typology of the Phenomena of Communicative Discomfort in Dialogue Situations. Cand. philol. sci. diss.]. Orel. 229 p.
- Nosova T.V., 2009. Logika i ritorika v sudebnoy rechi: kognitivnye aspekty [Logic and Rhetoric in Forensic Speech: Cognitive Aspects]. *RATIO.ru*, no. 2, pp. 272-282.

- Polyakova S.E., 2009. Pragmatically obuslovlennye kommunikativnye neudachi v politicheskom diskurse [Pragmatically Conditioned Communication Failures in Political Discourse]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Linguistics], no. 12 (89), pp. 244-247.
- Romanova V.M., 2011. Kommunikativnyy konflikt kak sotsialno-lingvisticheskiy fenomen [Communicative Conflict as a Social and Linguistic Phenomenon]. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social Economic Phenomena and Processes], no. 10, pp. 281-286.
- Serebryakova A.Yu., 2015. Ekstralingvisticheskie prichiny kommunikativnykh neudach [Extralinguistic Reasons for Communication Failures]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics], vol. 12, no. 4, pp. 34-37.
- Strakhova O.A., 2017. K voprosu ob opredelenii ponyatiy «kommunikativnyy risk» i «zona kommunikativnogo riska» [On Defining the Concepts of “Communication Risk” and “Zone of Communication Risk”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 9 (2), pp. 150-153.
- Formanovskaya N.I., 2002. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod* [Verbal Communication. Communicative-Pragmatic Approach]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 216 p.
- Shakhovskiy V.I., 1997. O perevodimosti emotivnykh smyslov khudozhestvennykh tekstov [On the Translatability of Emotive Meanings of Literary Texts]. Shveytser A.D., Ryabtseva N.K., Vasilevich A.P., eds. *Perevod i kommunikatsiya* [Translation and Communication]. Moscow, In-t yazykoznaneya RAN, pp. 138-152.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokulturologii: ucheb. posobie* [Language and Emotions in the Aspect of Linguoculturology. Textbook]. Volgograd, Peremena Publ. 170 p.
- Shakhovskiy V.I., 2016. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of Ecologicality in the Communicative Circle: Person, Language, Emotions]. Volgograd, IP Polikarpov I.L. Publ. 504 p.
- Shakhovskiy V.I., 2020. Sovpadeniye smyslovykh pazlov kak usloviye effektivnosti sovremennoy kommunikatsii [Coincidence of Semantic Puzzles as a Condition for Effective Contemporary Communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 3, pp. 34-52.
- Shcherbakova O.I., 2006. *Konteksty v konfliktologii* [Contexts in Conflictology]. Moscow, MGGU im. M. A. Sholokhova. 80 p.
- İlter T., 2017. Miscommunication: The Other of Communication or the Otherness of Communication? *International Journal of Communication*, vol. 11, pp. 259-277.
- Mortensen C.D., 1997. *Miscommunication*. Thousand Oaks, SAGE Publications. 280 p.
- Russell C.K., Gregory D.M., Care W.D., Hultin D., 2007. Recognizing and Avoiding Intercultural Miscommunication in Distance Education: A Study of the Experiences of Canadian Faculty and Aboriginal Nursing Students. *Journal of Professional Nursing*, vol. 23, no. 6, pp. 351-361.
- Anolli L., Ciceri R., Riva G., eds., 2002. *Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication*. Amsterdam, IOS Press. 288 p.
- Cupach W.R., Spitzberg B.H., eds., 1994. *The Dark Side of Interpersonal Communication*. S.I., Lawrence Erlbaum Associates. 337 p.
- Wierzbicka A., 2010. Cross-Cultural Communication and Miscommunication: The Role of Cultural Keywords. *Intercultural Pragmatics*, vol. 7, no. 1, pp. 1-23.

SOURCES

- Neofitsialnyy sayt Vysshey kvalifikatsionnoy komissii advokatury pri Kabinete Ministrov Ukrainy.* URL: <http://vkka.net/?p=4198>
- Sudebnyye rechi F. Plevako.* URL: <https://www.livelib.ru/book/32421/read-sudebnyye-rechi-fedor-plevako/~8>
- Pravorub.* URL: <https://hohol28071980.pravorub.ru/personal/40924.html>

Information About the Authors

Yana A. Volkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 9, 117198 Moscow, Russia, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Nadezhda N. Panchenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Natalya K. Prigarina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia, prigarina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3081-0533>

Информация об авторах

Яна Александровна Волкова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 9, 117198 г. Москва, Россия, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Надежда Николаевна Панченко, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Наталья Константиновна Пригарина, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия, prigarina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3081-0533>